

После долгого молчания Иту, тщательно подбирая слова, наконец произнёс:

— Если я скажу, что ничего не видел, ты поверишь?

Учитывая их, мягко говоря, натянутые отношения, если этот безумец действительно решит сорваться, как он сможет его остановить?

Юноша посмотрел на собеседника с искренностью, от которой самому стало немного не по себе. Цзян Ханьюй усмехнулся. Мужчина вновь сократил дистанцию, их разделяли считанные сантиметры.

Чужое присутствие вторгалось в личное пространство, и он вновь ощутил давление и невольную настороженность. Особенно когда противник был на полголовы выше, и приходилось задирать голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Это заставляло инстинктивно желать отступить.

— Не видел? Что ж, возможно, — его тонкие губы изогнулись в лёгкой усмешке. — В том коридоре ночью было слишком темно, а сияние моей прелести недостаточно яркое, так что, действительно, мог и не разглядеть.

Иту: «?»

Ему казалось, или в словах мужчины прозвучало что-то странное?

Как только он напрягся, готовый в любой момент отскочить, его запястье неожиданно стиснули. Жар чужого прикосновения заставил сердце сжаться. Тело инстинктивно дёрнулось назад, но спина упёрлась во что-то твёрдое и невидимое.

Спокойствие на лице юноши дало трещину. Он быстро оглянулся — позади не было ничего. И всё же он чувствовал, как его окутывает нечто, совсем не мягкое. Глядя на красивое лицо мужчины так близко, он ощутил подступающее удушье.

Это были те крылья.

Иту не знал, что именно сделал Цзян Ханьюй, но даже не видя их, был уверен — они здесь.

— Чувствуешь? — раздался раскованный смех мужчины, на его лице не было и тени смущения, лишь чистое, неприкрытое веселье.

Его глаза мерцали, переливаясь от угольно-чёрного до чайного, выдавая бурю эмоций. Юноша не понимал, что за приступ безумия на него нашёл. Только что всё было в порядке, и вдруг он, словно ребёнок, хвастающийся своей любимой игрушкой, вцепился в его руку, заставляя ощущать несуществующие крылья.

«Наверное, от снега с ума сошёл, — подумал он. — Похоже, негативная аура карточного поля всё-таки на него повлияла»

Только Иту собрался что-то сказать, как неподалёку раздался пронзительный визг:

— Что вы делаете?!

Ван Сяолэй и Цюй Бай, неизвестно когда вернувшись, в полном шоке уставились на развернувшуюся перед ними картину.

Изящный, кроткого вида человек, казалось, был заключён в объятия высокого, статного любовника. Властная, неотвратимая поза... Ван Сяолэй так растерялся, что едва не выронил зонт.

— Средь бела дня... заниматься... таким... нехорошо, — пробормотал парень.

Иту не расслышал его слов. Он повернул голову, на его лице отразилось лёгкое замешательство. Цзян Ханьюй же холодно взглянул на пришедших и отпустил запястье.

Жаркое прикосновение исчезло, оставив после себя лишь лёгкое онемение и покалывание.

Юноша отступил на большой шаг назад. На этот раз его спина ни во что не упёрлась.

— Всё не так, как вы подумали, — он обернулся, неловко улыбнувшись.

Хотел было объяснить, но понял, что не может подобрать слов. Не скажет же он, что ему демонстрировали крылья. Невидимые крылья. Даже если он осмелится сказать правду, кто в неё поверит?

В итоге, под выразительным взглядом Ван Сяолэя, который так и кричал: «Я всё понимаю, можешь не объяснять», он просто замолчал.

— Кхм, пойдёмте, — Иту больше не мог здесь оставаться.

Мужчина рядом с ним, напротив, сохранял полное самообладание, словно не замечая никого вокруг. Не обращая внимания на дразнящий взгляд собеседника, они вошли в учебный корпус.

— Твои крылья... — поднимаясь по лестнице, нерешительно начал Иту, — это ведь тоже игровое оружие?

Цзян Ханьюй обернулся. Его глаза уже вернули себе обычный чайный оттенок.

— Да. Оружие божественного ранга.

Божественный ранг — высший из существующих, превосходящий даже первый.

Юноша кивнул, а затем почему-то улыбнулся:

— Снег хорошо от них отскакивает.

Цзян Ханьюй на мгновение замер, и в его глазах промелькнул глубокий, многозначительный блеск.

Этот супруг, подобранный ему Системой, оказался куда умнее, чем он предполагал.

Когда они вернулись, в классе уже сидело немало учеников. Несколько игроков стояли у испачканной кровью доски, пытаясь разгадать тайный смысл написанных на ней фраз.

На самом деле, юношу не слишком заботили условия смерти других. В конце концов, его собственное имя тоже было на доске, и ему самому едва удавалось сводить концы с концами. Основываясь на условии смерти Лю Цзыи, он пытался угадать логику карточного поля.

«Если игрок сможет избежать факторов, напрямую провоцирующих недостатки или привычки персонажа, возможно, смерти удастся избежать?»

Например, «обжорство» Лю Цзыи. Если не давать ему возможности переесть, условие смерти будет сложно активировать. Ведь кроме столовой, где подают большое количество еды, пропитание можно было найти только в общежитии, в виде припрятанных закусок.

Что касается его собственного персонажа, Ши Лина, и его условия смерти — «постоянно списывает», — у него уже были кое-какие соображения.

Ши Лин — двоечник. Эту подсказку он получил от Цзян Ханьюя вскоре после начала игры. Ученик, чьи книги чище лица, имел дурную привычку — списывать на экзаменах. Иту не знал, будут ли на этом карточном поле экзамены, но, скорее всего, да. А как только он окажется в классе, что бы ни делал, условие смерти непременно сработает. В такой момент ни предметы,

ни карты навыков не помогут. Особенно учитывая, что у него при себе не было ничего для самозащиты, кроме одежды из человеческой кожи и карты Слуги третьего ранга, которую он вытянул перед игрой.

Он не должен идти на экзамен. Только отказавшись от него, он получит шанс выжить. Но сделать это не так-то просто. Учителя-монстры вряд ли спустят с рук непослушание. Придётся действовать по ситуации.

Иту ещё раз взглянул на доску. На ней были написаны имена всех присутствующих, но большой участок был замазан кровью. Несколько игроков, не знавших своих условий смерти, выглядели крайне обеспокоенно. Впрочем, те, кто уже знал свои, чувствовали себя не лучше.

Хотя условия были просты и понятны, карточное поле контролировало эмоциональное состояние их персонажей, и избежать предначертанного было непросто. Особенно тяжело приходилось игроку по имени Ли Цивэнь. Он выглядел измученным. Сразу после обеда его начало клонить в сон. Обеденный перерыв и был предназначен для отдыха, но он не смел даже прилечь. Его условие смерти, написанное на доске, гласило: «Ли Цивэнь любит спать». Если он не выдержит и заснёт, то, скорее всего, это будет тот самый сон, от которого уже не просыпаются.

Юноша, сидя на своём месте, тоже боролся с сонливостью. Единственное, что помогало не заснуть, — это непрекращающаяся болтовня Ван Сяолэя с задней парты. Тот без умолку трещал с Цюй Баем. Темы их разговоров перескакивали с того, что они будут есть после выхода с карточного поля, до того, что их собачку пора бы помыть, и прочих бытовых мелочей.

В результате Иту, просто слушая, узнал, что у парней живёт белая собачка-медвежонок по кличке Додо, ей два с половиной года. И хотя это был очаровательный кобелёк, Цюй Бай давным-давно отвёз его на кастрацию, превратив в женоподобного евнуха.

Больше всего юношу восхищало то, что, когда одна тема исчерпывала себя, Ван Сяолэй с лёгкостью переключался на следующую, ни разу не повторившись. На этот раз они заговорили об ивенте «Восхождение на башню», который стартовал в «Игре Азартных Игроков» в начале июля. Цюй Бай был одним из участников, а вот его партнеру не хватило квалификации, чтобы составить компанию.

— Хао-гэ, а на вашем ивенте «Восхождение на башню» ведь что-то случилось? Почему он закончился раньше времени?

— Да, я и сам точно не знаю. Ребята из отряда говорят, что в Пиковой башне «А» что-то снесли на одном из уровней. Я был в Бубновой башне, там проблем не было, просто игра внезапно прервалась.

— Точно-точно! Я слышал, что этот баг в системе как-то связан с Пиковым Королём!

— Откуда ты знаешь? — усмехнулся Цюй Бай.

— Люди видели! Я же состою в одном игровом чате, там кто-то об этом рассказал. Хотя комната наблюдения Пикового Короля всегда закрыта, но тот позёр из его отряда, Цветочный зонт, вечно держит свою открытой.

Ван Сяолэй всё больше распалялся:

— И вот! За секунду до того, как Цветочный зонт погиб, они увидели Пикового Короля! В его объятиях, кажется, был какой-то хорошенький паренёк, было видно только пол-лица. Не знаю, правда это или нет, я ведь только пересказываю слухи.

Услышав это, Иту, чей мозг до этого пребывал в тумане, через мгновение пришёл в себя.

— Возможно, пространство, на котором Пиковый Король пытался взойти на вершину, дало сбой и наложилось на другое карточное поле. Тот паренёк, которого вы видели, мог быть просто игроком с другого поля.

— А, так вот оно что. А я-то думал, у Пикового Короля появился супруг.

При этих словах юноша почувствовал себя не в своей тарелке. Его взгляд невольно скользнул влево. Но главный виновник пересудов не проявлял ни малейшего интереса к разговору.

Впрочем, Иту этого и ожидал. Кроме него, мужчина ни с кем не разговаривал. Любые попытки заговорить с ним Цзян Ханьюй попросту игнорировал. И дело было не в том, что он пользовался какой-то особой привилегией. Просто он был тем самым СР, которого ему насильно навязала Система. И у Системы, скорее всего, были на то свои причины. Единственное, что приходило на ум, — это то, что Система таким образом пыталась принудительно сбалансировать силу игроков, своего рода способ сдерживания сильнейших. Особенно остро это ощущалось, когда он, новичок, чувствовал себя навязанным балластом.

Возможно, Иту слишком долго смотрел на него, и это привлекло внимание мужчины.

— Любопытно? — слегка повернул голову Цзян Ханьюй.

Тот очнулся и выдавил из себя смешок:

— Нет, ни капли.

Он знал, что слова Цюй Бая, скорее всего, были близки к истине. Единственное расхождение заключалось в том, что так называемое «наложение пространств» вряд ли было случайностью. Скорее всего, это было подстроено Системой. Ведь в тот раз ивент «Восхождение на башню»

для отряда Цзян Ханьюя закончился провалом.

Разговор за его спиной всё ещё продолжался.

— Жаль, конечно. Карта Слуги божественного ранга у Цветочного зонта имеет очень долгий откат, да ещё и сжигает несколько сотен тысяч очков.

— Нет, несколько сотен тысяч — это мало. Воскрешение стоит минимум три-четыре миллиона. Так что в итоге Цветочный зонт остался в огромном минусе.

— А? Так много?!

Их разговор прервал звонок на урок. Иту взглянул на настенные часы — 13:30. Короткий обеденный перерыв закончился, их ждал первый послеобеденный урок.

Английский.

Хотя он уже был морально готов к тому, что все учителя в этой школе ненормальные, когда учительница английского вошла в класс, воцарилась гробовая тишина.

Это была невысокая женщина в светло-голубом платье в цветочек. В своих морщинистых руках она держала потрёпанный учебник. На её дряблой шее красовалась собачья голова.

На длинной, заострённой собачьей морде зияли две чёрные дыры — её глаза были кем-то вырваны. И хотя вид у неё не был свирепым, он всё равно внушал ужас. От Учителя-собаки исходил неуловимый запах смерти. Она встала за кафедру и, молча открыв учебник, повернулась к ученикам.

Иту сидел в первом ряду и отчётливо видел, что уши учительницы безвольно висят, придавая ей апатичный вид.

«Наверное, это старая или больная собака», — пронеслось у него в голове.

В этот момент Учитель-собака начала урок. Её голос был очень хриплым. После каждой фразы она делала долгую паузу, с трудом выговаривая каждое английское слово, чтобы ученики могли её понять. Английский у Иту был неплохим, и он быстро переводил каждую её фразу. На этом уроке они должны были изучать дополнительный текст, которого не было в учебнике, — «Снежная ночь».

Хотя рассказ и назывался «Снежная ночь», учительница ни разу не упомянула название. Она говорила о множестве персонажей, описывая их бытовые мелочи и повседневные заботы. Он слушал уже довольно долго, но так и не мог уловить суть. Понял лишь, что история начинается

с распада одной семьи.

В семью вмешалась женщина и родила ребёнка. Она всеми силами пыталась остаться с мужчиной, но безуспешно. У неё родилась не совсем здоровая дочь, к тому же на лице девочки было красное родимое пятно.

История сосредоточилась на женщине и её ребёнке. Учительница говорила очень медленно, иногда путаясь и повторяя одни и те же детали по несколько раз. Слушать было трудно, пока она не дошла до ключевого момента.

Женщина с маленькой девочкой приехали в незнакомый город. Не имея средств к существованию, они, с помощью любовника женщины, нашли приют у его дальней родственницы. Это была суровая, неразговорчивая старуха, у которой жила очень злая овчарка. Та временно приютила их, но относилась к ним недружелюбно. Она считала мать бесстыдной разлучницей, а ребёнка — отродьем с грязной кровью. Боясь, что они что-нибудь украдут, старуха разрешила им жить только в кладовке, заваленной хламом. Чтобы соседи не узнали об их существовании, их выгоняли на улицу до рассвета, и вернуться они могли лишь глубокой ночью.

Чем дольше юноша слушал, тем больше ему казалось, что эта мать и дочь — и есть главные героини этого карточного поля, Е Ли и её мать. Вскоре его догадка подтвердилась. Учитель-собака продолжала свой рассказ хриплым голосом, каждое английское слово давалось ей с трудом и звучало коряво.

Такая жизнь продолжалась недолго. Однажды ночью, проснувшись от голода, девочка пробралась из кладовки на кухню. Как и говорила старуха, в её жилах текла грязная кровь, и она была воровкой. В ту ночь она украла кусок колбасы. Лёгкий шорох привлёк внимание свирепой овчарки.

Собака вцепилась ей в ногу. В тот момент, когда она уже готова была вырвать кусок мяса, из кладовки выбежала мать. Девочка, несмотря на дикую боль, не издала ни звука. Она боялась, что старуха узнает о краже и выгонит их. Лишь увидев мать, она заплакала от страха и боли.

Женщина, увидев эту сцену, задрожала от ярости и ненависти. Она схватила с кухонного стола нож для фруктов и без колебаний выколола овчарке глаза, а затем проткнула ей шею.

— How dare you hurt her, brute!

«Тварь, как ты смеешь её трогать!»

Учительница произнесла эту фразу, практически скрежеща зубами. Её собачьи уши от ярости и боли встали торчком. Именно тогда собака и лишилась глаз. Старуха прибежала слишком поздно. Когда она обняла свою любимую собаку, женщины и ребёнка уже и след простыл.

Следующая их встреча произошла, когда женщина стала учительницей в престижной школе, а девочка — ученицей старухи.

— It was a dark day, and the devil seemed to whisper in my ear...

«День был мрачным, и дьявол, казалось, шептал мне на ухо...»

— Some things have been inserted on the black wings, the campus is no longer pure and quiet, she knew the snow night was coming...

«Нечто уже расправило чёрные крылья, кампус перестал быть чистым и тихим местом, она знала — грядёт снежная ночь...»

С последним словом в классе воцарилась полная тишина. На лице монстра не было глаз, и когда она смотрела на учеников, по спине пробегал холодок. История не была закончена. Рассказ «Снежная ночь», очевидно, был лишь прелюдией к событиям на этом карточном поле. Но она не стала продолжать. Что именно пришлось пережить Е Ли в этой школе и почему она покончила с собой, им пока было неизвестно.

Но эта Учитель-собака определённо была одной из тех, кто распространял слухи и сплетни. Ведь только она знала о неблагоприятном прошлом Е Ли и её матери.

Иту посмотрел на собачью голову, словно пришитую к шее старухи, и у него родилась догадка.

«Что, если ненормальность персонажей на этом поле объясняется тем, что мир показан с точки зрения Е Ли? И после её смерти он причудливо исказился?»

Например, её учительница английского любила собак, а та овчарка укусила Е Ли. Поэтому в посмертном мире её фантазия породила такой образ — старуха, соединённая со своей любимой собакой.

Пока он размышлял, учительница вызвала к доске одного из NPC-учеников. Вопрос был простым: какую ногу девочке укусила собака, левую или правую. Ученик, хоть и плохо говорил по-английски, с горем пополам ответил.

Затем монстр вызвал ещё нескольких учеников. Некоторые из них не смогли ответить, но она их не тронула. Не потому, что была добра, а потому, что они пока не активировали свои условия смерти. Все они без исключения отвечали на английском, пусть и очень коряво. Даже простого «I don't know» было достаточно, чтобы пройти проверку. Это скрытое условие было легко угадать, и, как и ожидалось, за последующие несколько вопросов никто из игроков не погиб.

До конца урока в классе не убавилось ни одного человека. Можно сказать, это был самый

спокойный урок из всех, что у них были. Нужно было просто слушать историю, даже не обязательно было её понимать. К этому моменту прогресс сюжета карточного поля достиг 15%.

После английского сна начались самостоятельные занятия. По сравнению с уроками, где был учитель, они тянулись мучительно долго. Говорить и передвигаться было не запрещено, но нужно было делать это так, чтобы не заметил надзиратель. Учитель-паук подвешивал и переваривал своих жертв. О способах убийства Учителя-собаки пока ничего не было известно, и никто не хотел становиться первым, кто это проверит.

На всякий случай, во время занятия они могли только медленно тянуть время до звонка. Иту и Ван Сяолэй обменялись бесчисленным количеством записок, ни одна из которых не содержала ничего полезного — одна пустая болтовня.

А сидевший слева Цзян Ханьюй снова принялся орудовать ножницами. Надо сказать, такое его хобби было весьма расточительным. Учебник, который он получил, быстро превратился в грудку «изувеченных останков». Обрезки бумаги, которые мужчина отбрасывал, юноша подбирал для переписки с товарищем. Вскоре стол одного из них, заваленный бумажным мусором, превратился в два заваленных стола. А место Пикового Короля, как ни странно, стало идеально чистым.

Сидевшая сзади староста Цзи Хань застыла в изумлении, наблюдая за этой картиной. Лишь спустя некоторое время она опомнилась и вернулась к своим вычислениям.

Так прошла большая часть урока. За пять минут до звонка Иту поднял глаза на часы и вдруг заметил, что расписание на стене изменилось. Когда он увидел, что утренние пункты были стерты, а на их месте появились четыре больших иероглифа, его сердце пропустило удар.

[МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ЭКЗАМЕН]

<http://bllate.org/book/15886/1428291>